

Но мало-помалу она набралась храбрости,
подлетела прямо к страдальцу и вырвала клювом
один из шипов, вонзившихся в его чело.
В это время на ее шейку упала капля крови распятого.
Она быстро растеклась и окрасила собой все
нежные перышки на шейке и грудке птички.
Распятый открыл глаза и шепнул Красношейке:
«В награду за свое милосердие ты получила то,
о чем мечтало твое племя с самого дня сотворения
мира».

Сельма Лагерлёф,
«Легенды о Христе»

Часть первая
Из праха

Эпизод 1

Переезд возле моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года

Серая птичка то пропадала, то вновь появлялась в поле зрения Харри. Он барабанил пальцами по рулю. Как медленно тянется время. Вчера кто-то по телевизору рассказывал, как медленно может тянуться время. Сейчас оно как раз такое. Словно в новогоднюю ночь перед тем, как пробьет двенадцать. Или на электрическом стуле — перед тем, как повернется рубильник.

Он забарабанил сильнее.

Их машина стояла на открытой площадке за билетной кассой на переезде. Эллен сделала автомагнитола чуть громче. В голосе репортера слышалась благоговейная торжественность:

— Самолет приземлился пятьдесят минут назад, и ровно в шесть часов тридцать восемь минут президент ступил на норвежскую землю. Его приветствовал председатель коммуны Евнакер. Здесь, в Осло, прекрасная осенняя погода, замечательный норвежский фон для этих переговоров. Давайте еще раз послушаем, что сказал президент журналистам полчаса назад.

Это повторяли уже в третий раз. Харри снова представил себе вопящую толпу журналистов, лезущих за заграждение. А по другую сторону заграждения — людей в сером, которые не давали себе особого труда скрывать, что они секретные

агенты, лишь пожимая плечами в ответ на вопросы. Эти сканируют взглядом толпу, в десятый раз проверяют, держится ли в ухе динамик, — снова оглядывают толпу — поправляют черные очки — сканируют толпу — на пару секунд задерживаются взглядом на фотографии со слишком длинным объективом камеры — продолжают сканировать — в сотый раз проверяют динамик в ухе... Кто-то произносит приветствие по-английски, тишина, потрескивает микрофон.

— *First let me say I'm delighted to be here...*¹ — в четвертый раз сказал президент с явственным хриловатым американским выговором.

— Я читала, один известный американский психолог выявил у президента раздвоение личности, — сказала Эллен.

— Раздвоение личности?

— Раздвоение личности. Как в истории про доктора Джекилла и мистера Хайда. Этот психолог пишет, что обычная сущность президента ничего не подозревала о том, что вторая его сущность, похотливое животное, вступала в половые отношения со всеми этими женщинами. И поэтому Верховный суд не может судить его за то, что он лгал об этом под присягой.

— Кошмар, — отозвался Харри, бросив взгляд на пролетающий над ними вертолет.

По радио кто-то спрашивал по-английски с норвежским акцентом:

— Господин президент, это ваш первый визит в Норвегию за второй президентский срок. Что вы чувствуете?

Пауза.

— Очень приятно побывать здесь снова. Но я считаю гораздо более важным то, что здесь могут

¹ Во-первых, разрешите мне выразить свою радость по поводу того, что я здесь... (англ.)

встретиться глава государства Израиль и лидер палестинского народа. Это ключ к...

— Запомнился ли вам первый визит сюда, господин президент?

— Конечно. Я надеюсь, что на сегодняшних переговорах мы сможем...

— Каково значение Осло и Норвегии для дела мира во всем мире, господин президент?

— Норвегия сыграла важную роль.

Голос без норвежского акцента:

— Господин президент, вы считаете, что реально добиться конкретных результатов?

Здесь запись прерывалась, дальше продолжал голос из студии:

— Итак, вы слышали. Президент считает, что Норвегия играет решающую роль для... э-э-э... достижения мира на Ближнем Востоке. В данный момент президент направляется в...

Харри тяжело вздохнул и выключил радио.

— Что происходит со страной, Эллен?

Девушка пожала плечами.

«Проходят пункт двадцать семь», — послышалось из радиации на приборной панели.

Он посмотрел на Эллен:

— На постах все в порядке?

Она кивнула.

— Значит, все, как и раньше, — сказал он.

Она подняла глаза к небу. Он сказал это уже раз пятьдесят с тех пор, как кортеж выехал из Гардермуена. Оттуда, где стояла их машина, было видно пустое шоссе, тянущееся от переезда к северу, на Трустерюд и Фурусет. Сигнальная лампочка на крыше лениво вращалась. Харри опустил стекло и протянул руку, чтобы смахнуть блекло-желтый лист, попавший под стеклоочиститель.

— Смотри, краснойшейка, — сказала Эллен и показала куда-то. — Редкая птичка для поздней осени.

— Где?

— Там. На крыше кассы.

Харри высунулся в переднее окно:

— Да? Значит, это красношейка?

— Ну да, красношейка, или малиновка. Хотя, думаю, ты не отличил бы ее от снегиря, верно?

— Верно. — Харри заслонил глаза от солнца. Зрение, что ли, падает?

— Красношейка — редкая птица, — сказала Эллен, завинчивая пробку термоса.

— Не сомневаюсь, — сказал Харри.

— Девяносто процентов улетают на юг, но есть такие, которые рискуют остаться.

— Вроде *этой*?

Снова голос по рации:

«Центр, я шестьдесят второй. Неизвестный автомобиль стоит у дороги в ста метрах от поворота на Лёренсуг».

Ответ Центра — низкий голос, картавый бергенский выговор:

— Подождите, шестьдесят второй. Проверяем. Тишина.

— А туалеты вы проверили? — спросил Харри, кивая на автозаправку «ESSO».

— Да. На заправке никого нет, даже персонала. Только начальник. Его мы заперли в конторе.

— Билетные кассы тоже?

— Проверили. Успокойся, Харри, все ключевые пункты в порядке. Ну так вот, те, которые остаются, надеются на теплую зиму, понимаешь? Иногда все обходится благополучно, но если они ошибутся — они погибнут. Так почему бы не улететь на юг, на всякий случай, наверное, думаешь ты. Может, им просто лень улетать?

В зеркале Харри видел охранников с обеих сторон железнодорожного моста. В черном, при

шлемах и автоматах «МП-5» на груди. Даже отсюда в их жестах была заметна напряженность.

— Штука в том, что если зима будет теплой, они успеют выбрать лучшее место для гнезда прежде, чем другие вернутся домой, — рассказывала Эллен, пытаясь запихнуть термос в и без того битком набитую сумку. — Осознанный риск, понимаешь? Проиграл вчистую или взял джек-пот. Ты сам решаешь. Рисковать или нет. Рискнешь — и можешь однажды ночью окоченеть на ветке, свалиться на землю и не оттаять до весны. А побоишься — и останешься без квартиры, когда вернешься. Такие же вечные дилеммы, с которыми мы то и дело сталкиваемся.

— Ты надела бронжилет?

Эллен не ответила. Она посмотрела на шоссе и тихо покачала головой.

— Да или нет?

Вместо ответа она постучала костяшками пальцев по груди.

— Облегченный, что ли?

Она кивнула.

— Черт побери, Эллен! Я приказал надеть бронжилеты, а не майки с Микки-Маусом!

— Ты знаешь, что здесь носят секретные агенты?

— Дай угадаю. Облегченные бронжилеты?

— Точно.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Дай угадаю. Секретный агент?

— Точно.

Она рассмеялась. Он тоже усмехнулся. Снова затрещала рация:

«Шестьдесят второй, я Центр. Служба безопасности говорит, что это их автомобиль стоит у поворота на Лёренсбург».

«Я шестьдесят второй. Вас понял».

— Вот видишь, — сказал Харри и с досадой хлопнул по рулю. — Никакой слаженности. Действуют кто во что горазд. Почему там торчит их машина, а мы об этом не знаем? А?

— Проверяют, как мы работаем, — сказала Эллен.

— Так, как *они* нас проинструктировали.

— От тебя все равно мало что зависит. Так что перестань жаловаться, — сказала она, — и перестань барабанить по рулю.

Пальцы Харри послушно сжались в кулак. Он тяжело вздохнул:

— Да, да, да...

Он проверил, на месте ли табельный револьвер, шестизарядный «смит-вессон» 38-го калибра. На поясе еще две запасные обоймы, по шесть патронов в каждой. Он похлопал по револьверу и вспомнил, что у него истекает лицензия на ношение оружия. Пожалуй, зрение правда портится, ведь зимой после окончания курсов он не сдал зачет по стрельбе. В общем-то, ничего особенного, но с ним такое впервые, и это крайне неприятно. Конечно, ему проще взять и пересдать, а некоторые сдавали стрельбу по четыре, пять раз, но Харри под тем или иным предлогом с этим тянул.

Снова треск в рации: «Пункт двадцать восемь пройден».

— Это был предпоследний пункт в округе Румерике, — сказал Харри. — Следующий пункт будет Карихёуген, а дальше — наши.

— Почему бы им не делать как раньше: просто говорить, где находится кортеж? Кто только придумал эти дурацкие номера? — недовольно протянула Эллен.

— Угадай.

— Секретные агенты! — ответили оба хором и рассмеялись.

«Пункт двадцать девять пройден».

Харри взглянул на часы:

— Итак, они будут здесь через три минуты. Я настраиваю рацию на полицейский округ Осло. Проверь все еще раз.

Рация засвистела, заверещала, но Эллен закрыла глаза и сосредоточенно вслушивалась в череду поступающих подтверждений. Потом сняла наушники.

— Все на месте, все работает.

— Спасибо. Надень шлем.

— Да? Ты думаешь, нужно?

— Ты слышала, что я сказал?!

— Сам надень свой шлем!

— Он слишком маленький.

Другой голос: «Пункт один пройден».

— Черт, иногда ты ведешь себя как полный... непрофессионал. — Эллен надела шлем, застегнула ремень под подбородком и посмотрела в зеркало.

— Да, я тоже тебя люблю, — ответил Харри, рассматривая дорогу в бинокль. — Я их вижу.

На вершине холма что-то сверкнуло. Харри увидел только первый автомобиль в колонне, но он знал состав кортежа: шесть мотоциклов со специально обученными полицейскими из норвежского эскортного отделения, два норвежских автомобиля эскорта, автомобиль норвежской службы безопасности, два автомобиля американской службы безопасности типа «кадиллак», в одном из которых президент. В каком — никто не знает. Или, может, он сидит в обоих, думал Харри. Один для Джекилла, другой для Хайда. А за ними — автомобили побольше: «скорая помощь», «Связь» и несколько автомобилей секретной службы.

— Порядок. — Харри медленно водил биноклем из стороны в сторону. Воздух над асфальтом дрожал даже в это прохладное ноябрьское утро.

Эллен уже различала очертания первого автомобиля. Через полминуты они уже будут на переезде, и работа будет наполовину сделана, а когда эти же автомобили через два дня проедут переезд в обратном направлении, они с Харри смогут вернуться к своей обычной полицейской работе. Она предпочитала иметь дело с трупами в отделе убийств, а не вставать в три часа ночи и сидеть в холодном «вольво» вместе с раздраженным Харри, которого явно тяготила возложенная на него ответственность.

В машине тихо, если не считать сопения Харри. Эллен проверила, горят ли индикаторы раций. Колонна приближалась к подножию холма. Эллен решила, что после работы пойдет в «Жажду» и напьется. Она там заметила парня — черные локоны, карие глаза и взгляд такой... опасный. Худощав. Интеллектуал, богема. Возможно...

— Какого чер...

Харри уже схватил микрофон:

— Человек в третьем слева окне билетной кассы. Кто-нибудь может сказать, кто он?

В ответ — только потрескивающее молчание рации. Эллен скользила взглядом вдоль ряда билетных касс. Вот он! Она увидела мужскую спину сквозь темное стекло окошка кассира — всего в сорока-пятидесяти метрах от них. Против света четко прорисовывался его профиль. Над плечом выдавался ствол с прицелом.

— Оружие! — закричала Эллен. — У него пулемет!

— Черт! — Харри ногой открыл дверь и, оттолкнувшись обеими руками, выпрыгнул из машины. Эллен смотрела в бинокль на автоколонну. Оставалось всего несколько сот метров. Харри снова заглянул в машину, в руках у него уже был револьвер.

— Это не может быть кто-то из наших. Но, возможно, он из секретной службы, — сказал он. — Свяжись с Центром.

— Харри...

— Я сказал! Посигналишь мне, если это кто-то из их ребят.

Харри кинулся к билетной кассе, к этой спине в плаще. Кажется, у него автомат «узи». Сырой утренний воздух огнем обжигал легкие.

— Полиция! — кричал Харри. — Police!

Никакой реакции. Толстые стекла хорошо защищают помещение от уличного шума. Теперь незнакомец повернул голову в сторону кортежа, и Харри увидел темные очки «Рэй Бэн». Секретная служба. Или тот, кто хочет выглядеть как агент секретной службы.

Оставалось двадцать метров.

Как он попал внутрь, в запертую кассу, если он не секретный агент? Черт! Харри уже слышал приближение мотоциклов. Бежать дальше или не бежать?

Он снял пистолет с предохранителя и стал прицеливаться, все еще надеясь, что автомобильный гудок разрежет тишину этого чудесного утра на одинокой дороге, в этом месте, от которого Харри хотелось бы быть как можно дальше. Инструкция была ясна, но он не мог отогнать от себя мысли:

«Облегченный бронезилет. Никакой слаженности. Стреляй, это не твоя вина. А может, у него есть семья?»

Кортеж быстро приближался, он был уже перед билетной кассой. Через две секунды «кадиллаки» поравняются с ней. Краем левого глаза он заметил движение: маленькая птичка взлетела с крыши.

«Делать ставку или не делать... вечные дилеммы».

Он подумал про низкий вырез бронжилета и прицелился на полдюйма ниже. Все утонуло в реве мотоциклов.

Эпизод 2

Осло, вторник, 5 октября 1999 года

— Да, это так. Это и есть великое предательство, — сказал гладко выбритый мужчина и посмотрел в рукопись. Голова, брови, мускулистые предплечья и даже могучие руки, вцепившиеся в трибуну, — все было чисто выбрито. — После тысяча девятьсот сорок пятого власть перешла в руки врагов национал-социализма. Они развивали и внедряли в жизнь свои демократические и экономические принципы. В результате ни дня на земле не проходит без кровопролития. Даже здесь, в Европе, мы пережили войну и геноцид. А в странах третьего мира голодают и умирают миллионы, и Европе грозит массовая иммиграция, а значит, хаос, нужда и борьба за выживание.

Он замолчал и обвел взглядом аудиторию. В помещении было совершенно тихо. Только кто-то на скамье позади осторожно похлопал. Когда мужчина продолжил свою пламенную речь, под микрофоном замигала красная лампочка — это означало: звуки записываются на магнитофон с искажением.

— Уже не за горами счастливая беззаботная жизнь и тот день, когда мы сможем гордиться собой и нашим обществом. Война, экономическая или экологическая катастрофа — и вся эта система законов и правил, которые превращали самых отважных в простых потребителей, немедленно рухнет. Однажды великое предательство уже случилось девятого апреля сорокового года, когда наши

так называемые лидеры нации сбежали от врагов, чтобы спасти свою шкуру. И прихватили с собой золотой запас, чтобы обеспечить себе жизнь в лондонских люксах. Теперь враг снова здесь. И те, кто должен защищать наши интересы, снова предают нас. Они разрешают врагам строить мечети посреди наших городов, они разрешают им грабить наших стариков и смешивать свою грязную кровь с нашей. И наш долг как норвежцев — защитить свою расу и уничтожить предателей.

Он перевернул страницу, но в президиуме кашлянули, он остановился и поднял глаза.

— Спасибо, думаю, мы услышали достаточно, — сказал судья и посмотрел поверх очков. — Есть ли у обвинения вопросы к подсудимому?

Косые солнечные лучи, проникая в зал 17-го городского суда Осло, создавали над бритой головой иллюзию нимба. На подсудимом была белая рубашка и узкий галстук, который ему, судя по всему, посоветовал надеть его адвокат, Юхан Крон, что сидел сейчас откинувшись назад и нервно вертел в пальцах ручку. Крону все это очень не нравилось. Ему не нравилось направление, в каком стали задаваться каверзные вопросы обвинения, не нравилось, как откровенно его подзащитный Сверре Ульсен говорил о своей программе, и то, что Ульсен считал нужным закатать рукава рубашки и теперь члены суда могли видеть татуировку в виде паутины на обоих его локтях и несколько свастик вокруг левого предплечья. На правом было вытатуировано переплетение древнескандинавских символов и слово «ВАЛЬКИРИЯ» — черными готическими буквами. Так называлась одна из неонацистских банд, орудовавших поблизости от Сетеркрюсса в Нурстранне.

Но больше всего Юхана Крона раздражало то, что за всем этим чувствовался какой-то подвох, он только не понимал какой.

Обвинитель, невысокий человек по имени Герман Грот, мизинцем пододвинул к себе микрофон. На мизинце красовалось кольцо с эмблемой коллегии адвокатов.

— Только пара уточняющих вопросов, господин судья, — попросил он голосом тихим и вкрадчивым. Лампочка под микрофоном стала зеленой. — Значит, когда третьего января в девять часов вы вошли в «Деннис-кебаб» на улице Дроннингенс-гате, у вас имелось явное намерение исполнить свой долг, о котором вы говорите, и защитить нашу расу.

Юхан Крон бросился к микрофону:

— Мой подзащитный уже сказал, что возникла ссора между ним и хозяином-вьетнамцем. — Красная лампочка. — Его спровоцировали, — сказал Крон. — И я считаю, что подобные намеки совершенно беспочвенны.

Грот прикрыл глаза.

— Ульсен, если верно то, что говорит ваш защитник, значит, бейсбольная бита оказалась у вас с собой совершенно случайно?

— Для самообороны, — оборвал его Крон и отчаянно взмахнул руками. — Господин судья, мой подзащитный уже отвечал на эти вопросы.

Судья в задумчивости тер шею, разглядывая адвоката. Юхан Крон-младший был восходящей звездой и многообещающим юристом, ничуть не хуже Юхана Крона-старшего. И, видимо, поэтому судья наконец вынужден был признать:

— Я согласен с защитником. Я думаю, что, если у обвинения вопросов больше нет, нам стоит продолжить.

Грот удивленно вытаращил глаза. Потом кивнул и устало поднял со стола газету.

— Вот выпуск «Дагбладет» за двадцать пятое января. В интервью на восьмой странице один из сообщников обвиняемого говорит...

— Протестую... — начал Крон.

Грот устало вздохнул:

— Хорошо, скажу иначе: человек, выражающий расистскую точку зрения.

Судья кивнул и одновременно бросил предостерегающий взгляд на Крона.

Грот продолжал:

— Этот человек, комментируя налет на «Денис-кебаб», сказал, что нам нужно больше таких расистов, как Сверре Ульсен, чтобы отвоевать Норвегию. В интервью слово «расист» используется как одобрительное и даже хвалебное. А вы сами, подсудимый, считаете себя расистом?

— Да, я расист, — ответил Ульсен до того, как Крон успел хоть что-то сказать. — В том смысле, как я это понимаю.

— А как вы это понимаете? — улыбнулся Грот.

Крон сжал кулаки под столом и посмотрел на президиум — на судью и двух его помощников по обеим сторонам от него. От этих троих будет зависеть судьба его подзащитного в ближайшие годы и его личная карьера в ближайшие месяцы. Два обычных представителя народа, приглашенных просто для создания духа правосудия. «Куклы в буклях» — вот как их всегда называли, но, возможно, они вовсе и не были «куклами». Справа от судьи сидел молодой человек в дешевой практичной рабочей одежде, который редко отваживался поднять глаза. Полноватая девушка слева от судьи, по-видимому, лишь притворялась, что следит за происходящим; она сидела с гордо поднятой головой, так что сидящим в зале был хорошо виден уже наметившийся двойной подбородок. Среднестатистические норвежцы. Что они знают о таких, как Сверре Ульсен? Что они хотели бы знать?

Все свидетели видели, как Сверре Ульсен вошел в забегаловку с битой под мышкой и после недолгой

перебранки ударил ею по голове хозяина заведения Хо Дая, сорокалетнего вьетнамца, приехавшего в Норвегию в качестве беженца в 1978 году. Ударил так сильно, что Хо Дай больше не поднялся. Когда Ульсен начал говорить, Крон уже успел обдумать свой следующий протест.

— Расизм, — по слогам прочитал Ульсен, разобравшись в своих записях, — есть вечная борьба против наследственных заболеваний, дегенерации и геноцида, а также надежда на более здоровое общество с более высоким уровнем жизни. Смешение рас — одна из форм двустороннего геноцида. В мире, где решено восстановить генофонды, чтобы защитить малейшую букашку, полным ходом идет смешение и разрушение человеческих рас с тысячелетней историей. В одной из статей известного журнала «Американ физиологист» за семьдесят второй год пятьдесят американских и европейских ученых выступили против замалчивания данных наследственности.

Ульсен замолчал, окинул зал 17 взглядом и поднял вверх указательный палец. Теперь он стоял лицом к прокурору, и Крон мог видеть татуировку «Sieg Heil» между затылком и шеей — немой крик и своеобразное причудливое несоответствие холодной высокопарности всех этих фраз. Последовало молчание, по шуму в коридоре Крон понял, что в зале 18 объявили обеденный перерыв. Секунды шли. Крон вспомнил, что где-то читал о том, что Адольф Гитлер во время массовых митингов растягивал свои картинные паузы до трех минут. Когда Ульсен продолжил свою речь, он отстукивал пальцем такт, будто хотел вбить каждое слово и предложение в слушателей:

— Те из вас, кто пытается отрицать борьбу рас, — либо слепцы, либо предатели.

Он отпил из стакана, стоявшего перед ним.

Прокурор воспользовался этой паузой и задал очередной вопрос:

— По-вашему, в этой борьбе вы и ваши сообщники, часть которых находится сейчас в зале, единственные, кто имеет право нападать в этой борьбе?

Послышалось мычание присутствующих в зале бритоголовых.

— Мы не нападаем, мы обороняемся, — ответил Ульсен. — Это право и обязанность всех рас.

Кто-то из присутствующих прокричал что-то Ульсену, и он продолжал с улыбкой:

— И в чужих расах можно найти национал-социалистов с расовыми убеждениями.

Одобрительный смех и аплодисменты присутствующих. Судья попросил тишины и вопросительно посмотрел на прокурора.

— Это все, — сказал Грот.

— Есть ли у защиты какие-нибудь вопросы?

Крон покачал головой.

— Тогда попрошу ввести первого свидетеля обвинения.

Прокурор кивнул приставу, тот открыл заднюю дверь, высунулся в нее и что-то сказал. За дверью скрипнул стул, дверь широко открылась, и вошел крепкого вида мужчина. Крон отметил тесноватый в плечах пиджак, черные кожаные штаны и такого же цвета высокие сапоги. Бритая голова. Судя по стройной фигуре атлета — лет тридцать. Но красноватые белки глаз и тонкие лиловые жилки на бледном лице делали его старше лет на двадцать.

— Офицер полиции Харри Холе? — спросил судья, когда свидетель занял свое место.

— Да.

— Вы хотите, чтобы ваш адрес остался...

— В тайне. — Холе показал большим пальцем через плечо. — Они уже пытались наведаться ко мне домой.

Снова недовольные выкрики.

— Холе, вы уже давали показания? И присягу?

— Да.

Крон замотал головой, как резиновая собачка, какими некоторые водители украшают свои машины, и начал лихорадочно копаться в документах.

— Итак, Холе, вы работаете следователем в отделе убийств, — начал Грот. — Почему к вам попало это дело?

— Потому что мы допустили ошибку.

— Простите?

— Мы не думали, что Хо Дай выживет. Обычно это не удается тем, у кого проломлен череп и выбита часть его содержимого.

Крон видел, как лица членов суда растягивает произвольная ухмылка. Но это еще ничего не значит. Он отыскал бумагу с именами помощников судьи. Вот там и была... ошибка.

Эпизод 3

Улица Карл-Юханс-гате, 5 октября 1999 года

«Ты умрешь».

Эти слова звенели в ушах старика, пока он шел по лестнице, а потом стоял, ослепленный ярким осенним солнцем. Его зрачки медленно сужались, а он стоял, вцепившись в перила, и глубоко дышал. Он слышал какофонию машин, трамваев, пищущих светофоров. И голоса — возбужденные радостные голоса людей, пробегающих мимо звонко стуча каблуками. И музыку — слышал ли он раньше

столько музыки? Но ничто не могло заглушить звенящих слов: «Ты умрешь».

Как часто он стоял здесь, на лестнице у входа в приемную доктора Буера? Два раза в год, в течение сорока лет, то есть восемьдесят. Восемьдесят обычных дней, точно таких же, как этот. И никогда раньше он не обращал внимания на людей на улицах, на то, как они радуются жизни, как они хотят жить. Стоял октябрь, но погода была майская. В этот день все было убийственно спокойно. Может, он преувеличивает? Он слышал ее голос, видел, как от солнца к нему устремляется ее силуэт, различал черты ее лица, тонущие в торжественно-ярком свете.

«Ты умрешь».

Бесконечная белизна вновь обрела цвет и превратилась в Карл-Юханс-гате. Он спустился по ступенькам лестницы, остановился, посмотрел направо, потом налево, словно не зная, куда теперь идти, и погрузился в размышления. Вдруг он вздрогнул, будто кто-то разбудил его, и пошел в сторону Королевского дворца — шаткой походкой, глядя под ноги, сгорбившись в ставшем великоватым шерстяном пальто.

— Опухоль увеличилась, — сказал доктор Буер.

— Ладно, — ответил он тогда, посмотрел на Буера и подумал, что в медицинском училище, наверное, учат снимать очки, когда нужно сказать что-то серьезное или когда близорукому врачу не хочется видеть глаза пациента. Теперь, когда у него начали появляться залысины, доктор стал походить на своего отца, доктора Конрада Буера, а мешки под глазами придавали ему такое же вечно огорченное выражение.

— То есть? — спросил он так, как не спрашивал вот уже пятьдесят лет: тихим, хриплым, дрожащим голосом — голосом, исполненным смертельного страха.

— Да, это вопрос...

— Бросьте, доктор. Я и раньше смотрел смерти в глаза.

Он перевел дух, выбирая слова, которые придали бы его голосу уверенности, по крайней мере, чтобы ее мог услышать доктор Буер. Чтобы он сам мог ее услышать.

Доктор водил взглядом по скатерти, по старому паркету, смотрел в мутное окно, лишь бы не встретиться взглядом со стариком. Он снова и снова протирал стекла очков.

— Я понимаю, почему...

— Вы ничего не понимаете, доктор. — Старик вдруг услышал свой собственный смех, короткий и сухой. — Не принимайте это близко к сердцу, Буер, но я вас уверяю: вы ничего не понимаете.

Он увидел, что Буер смутился, и в тот же миг услышал, как капает кран над раковиной в дальнем конце комнаты — звук, вернувший ему ощущения юности.

Буер надел очки, взял лист бумаги, будто там были написаны слова, которые он должен был сказать, откашлялся и произнес:

— Ты умрешь.

Старик предпочел бы услышать: «Вы умрете».

Он остановился возле какой-то компании и услышал звуки гитары и песню. Песню, которая старше их всех. А он слышал ее раньше — четверть века назад, но для него это словно вчера. И так бывало со всем: чем раньше что-то было, тем отчетливее и ближе оно теперь казалось. Сейчас он мог вспомнить то, о чем не вспоминал многие годы, а может, не вспоминал никогда. То, о чем он писал в своих дневниках со времен войны, теперь возникало перед ним, будто кадры из фильма, стоило ему лишь закрыть глаза.

«Во всяком случае, год у вас есть».

Одна весна и одно лето. Он мог различить каждый золотой лист на деревьях Студенческого парка, словно на нем были новые очки, сильнее прежних. Те же деревья стояли здесь в сорок пятом. А может, нет? Тогда они не были так отчетливо видны. Все тогда было будто в дымке. Улыбающиеся лица, безумные лица, крики, которые тогда едва долетали до него, неприкрытая дверь автомобиля... Может, тогда у него на глазах были слезы, потому что, когда он вспоминал флаги, с которыми люди бежали по тротуарам, они представлялись ему расплывчатыми красными пятнами. Люди кричали: *«Наследник вернулся!»*

Он обошел вокруг Дворца и увидел группу людей, пришедших посмотреть на смену караула. Со стороны бледно-желтого фасада слышалось эхо команд, клацанье винтовок и чеканный стук сапог. Гудели видеокамеры, он услышал несколько слов по-немецки. Молодая японская парочка стояла в обнимку и с легкой усмешкой смотрела это представление.

Он закрыл глаза и попытался почувствовать запах военной формы и ружейного масла. Вздор, это совсем не похоже на запах войны, который ему так знаком!

Он снова открыл глаза. Что они понимали, мальчики в черной униформе, парадные фигуры социалистической монархии, когда исполняли все эти церемонии. Они были слишком наивны, чтобы понять, и слишком молоды, чтобы прочувствовать все это. Он вспомнил тот день и тех норвежских ребят в военной форме, или, как они тогда говорили, в «шведской униформе». Тогда это напоминало ему игру в солдатики. Они не знали, зачем нужна форма, и еще меньше представляли себе, как обращаться с военнопленными. Пугливые и жестокие,

с сигарками во рту, в лихо надетых набекрень фуражках, вцепившись в недавно выданные винтовки, они пытались преодолеть страх, молотя прикладами в спины арестантам.

«Нацистская сволочь», — говорили они при каждом ударе, будто в оправдание собственным грехам.

Он с наслаждением вдохнул теплый осенний воздух, но тут же почувствовал боль. Он покачнулся и сделал шаг назад. Отек легких. Через двенадцать месяцев самое позднее у него начнется отек легких. А это, говорят, самое страшное.

«Ты умрешь».

Он зашелся кашлем, таким жутким, что те, кто был рядом с ним, отшатнулись.

Эпизод 4

*МИД Норвегии, Виктория-Террасе,
5 октября 1999 года*

Главный советник Министерства иностранных дел Бернт Браннхёуг стремительно шел по коридору. Полминуты назад он вышел из кабинета, а через сорок пять секунд должен быть в совещательной комнате. Он играл мускулами плеч, сознавая, как они выпирают под пиджаком, ощущая, как натягивается материя. Вот она, *Latissimus dorsi* — спинная мышца, развитая у лыжников. В свои шестьдесят Бернт выглядел не старше пятидесяти. Не то чтобы он был вечно занят своей внешностью — просто следил за собой. Это не слишком сложно: каждый день выполнять физические упражнения, которые ему даже нравились, зимой проводить пару часов

в солярии и регулярно выщипывать седые волоски из кустистых бровей.

— Привет, Лиза! — бросил он, пробегая мимо ксерокса. Молодая практикантка вздрогнула от неожиданности и успела лишь слабо улыбнуться ему вслед, но он уже исчез за очередным поворотом коридора.

Лиза недавно получила диплом юриста. С ее отцом Браннхёуг когда-то учился в школе. Лиза работает здесь всего три недели. Отныне пусть знает, что главный советник МИДа, самый большой начальник в этом учреждении, знает ее в лицо. И он, конечно, сможет ей помочь. При случае.

Уже подлетая к двери, Браннхёуг услышал гул голосов. Он посмотрел на часы. 75 секунд. Затем вошел, мгновенно окинул взглядом совещательную комнату и отметил, что присутствуют представители всех заинтересованных инстанций.

— Ага, вы, значит, и есть Бьярне Мёллер? — Он широко улыбнулся и через стол протянул руку высокому тощему мужчине, сидевшему рядом с Анной Стёрксен, начальником полицейского участка.

— Мёллер, вы ведь НОП? Я слышал, вы участвуете в горнолыжной эстафете на Холменколленской трассе?

Это была одна из уловок Браннхёуга. Так он составлял первое впечатление о новых знакомых. То, чего не давало ни одно резюме. Ему особенно нравились такие вопросы и профессиональные сокращения, вроде НОП — начальник отделения полиции.

Браннхёуг сел, подмигнул своему старому другу Курту Мейрику, начальнику Службы безопасности полиции, и принялся рассматривать других людей за столом.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё

Красношейка

Редактор Е.Чевкина
Корректоры Т.Филиппова, С.Боронина
Технический редактор Л.Синицына
Компьютерная верстка Т.Коровенковой

ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус" –
обладатель товарного знака "Издательство Иностранка"
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус"
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП "Издательство "Махаон-Украина"
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 75×100/32.
Бумага газетная. Гарнитура "Журнальная".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,63.
Доп. тираж 7000 экз. В-NUP-19633-06-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "ИПК Парето-Принт". 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru